

Новый роман «Хороший Сталин» автор посвятил своему отцу, необычайному и полномочному послу Владимиру Ерофееву. Главный герой прочитал книгу и потребовал от сына объяснений

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

ОТЦЫ — НЕ ДЕТИ

Виктор ЕРОФЕЕВ

На днях известный немецкий писатель, режиссер и телеведущий Александр Клюге взял у меня в Москве телеинтервью на фоне Кремля по поводу моей новой книги «Хороший Сталин». По его словам, в ней я поставил «прижизненный памятник» своим родителям, изобразив их обоих как яркие впечатляющие характеры. Мнение Клюге разделяют достаточно много людей, прочитавших книгу, которая уже вышла в России и Германии и которая собирается выйти, по крайней мере, на десятке разных языков. С этим мнением, разумеется, согласен и я. Эта книга написана о моей необычной семье и посвящена моему отцу, выдающемуся советскому дипломату, который, перед тем как работать за границей, в послевоенное время был помощником Молотова и одновременно переводчиком Сталина с французского языка.

О такой необычной семье я написал в жанре документального романа, который основан на реальности, но исполнен по законам художественного вымысла. Такой жанр предполагает авторскую свободу в интерпретации исторического и семейного материала, поскольку направлен на создание именно романтических характеров. В сущности, это и вымысел, и не вымысел, а, точнее, их странное переплетение, разобраться в котором и предстоит читателю книги. Английский художник XX века Френсис Бекон заразил меня идеей смотреть на реальных людей с точки зрения своих личных домыслов. Все знают, что у него с этим было немало проблем.

Я понимал, что с такими проблемами, возможно, столкнусь и я, и, честно сказать, боялся писать эту книгу. Писать о своей семье — самое интимное дело, которым может заняться писатель, и, что тут ни говори, в этом есть что-то от интеллектуального инцеста. Однако драматический материал, который лежал в основе книги, имеет не только тургеневские, но и шекспировские страсти. В семье советского дипломата вырастает некий монстр, то есть я, который, в сущности, оказывается разрушителем не только семьи, но и общественных ценностей. Он становится одним из издателей бесцензурного альманаха «Метрополь». Идеальный конфликт между отцом и сыном по-

Необычная семья Ерофеевых

рождает неожиданно мощный финал. От сына требуют написать покаянное письмо. Отец, жертвуя карьерой, встает на защиту блудного сына и в историческом плане оказывается героем. Андрей Илларионов, советник нынешнего президента, собственно, так и определил моего отца, который в свои 83 года принял участие в презентации книги в Москве.

Однако как только отец прочитал «Хорошего Сталина», он пожалел о том, что пришел на презентацию. Более того, мои родители сочли книгу оскорбительной клеветой на нашу семью. Это — самый скандал. Они потребовали от меня, чтобы я объяснился публично. Итак, объясняюсь. Речь пойдет о сугубо личных делах, имеющих, однако, на мой взгляд, острый общественный смысл. Я советую всем читателям (как нынешним, так и будущим) моей книги отнестись серьезно к тому, что говорят мои родители.

О маме в книге написано немного, поскольку основной конфликт книги идет по линии отца и сына. Но то, что я сказал о маме, можно воспринять достаточно противоречиво — литературный образ нуждается

во внутреннем конфликте или перестает им быть. Мама болезненно отнеслась к негативным оценкам своих родителей, к тому, что я назвал ее «провинциальными комплексами». Она прислала мне страницу собственных комментариев по поводу книги. Наиболее резко она высказалась о том, что она говорит гадости в лицо всем близким и неблизким.

// Отец, жертвуя карьерой, встает на защиту блудного сына и в историческом плане оказывается героем //

«Абсолютная чушь, — пишет мне мама, — видимо, так в твоём сознании преобразились нелюбимые замечания в твой адрес». Кстати, она считает, что я в жизни потерял много приятелей — трудно согласиться. К тому же благодаря «Хорошему Сталину» у меня появились новые друзья. Моя мама не нуждается в какой-либо защите. Она написала замечательную книгу мемуаров «Нескучный сад», которая немедленно разошлась, и мне кажется, что ее нужно переиздать заново. В этой книге она безбоязненно описала всю кухню советского МИДа — те, кто читал книгу, помнят не только то, что она написала, но и то, как написана книга. У моей мамы несомненный литературный талант. Без нее я бы никогда не стал писателем.

Все мое детство она стремилась сделать из меня человека. Если что-то из этого не вышло, это не ее вина. Я очень люблю тебя, мама.

Родители сильно оскорбились сценой порки. Они действительно однажды отшлепали меня ремнем в Париже — но не так яростно, считают они, как это описано в книге, где они выставлены чуть ли не палачами ребен-

Будущий посол и будущий писатель

но я никогда не признаюсь, какие именно.

Биографам Константина Симонова, возможно, стоит знать, как пишет мне мама, что его дочь Саша не порвала с отцом во время «Метрополя» (Симонов настолько испугался «Метрополя», что запретил своей дочери общаться с нашей семьей), но «рассталась с иллюзиями его исключительной порядочности». По-моему, почти одно и то же. Мама также защищает послов соцстран в Вене, которые, когда моего отца отозвали из-за моего участия в «Метрополе», «проявили к нам большое внимание, особенно чехи и немцы (ГДР). Подарили нам небольшой серебряный поднос. Что было большим контрастом к поведению наших сотрудников». Ну вот, все-таки соцстраны оказались лучше «наших».

Теперь о папе. Начну с того, что еще немцы (в Германии книга вышла раньше, чем у нас) предупреждали меня: моя книга может второй раз «убить отца» именно своей откровенностью. Степень свободы в каждом поколении различна. Однако отца задела, скорее, не откровенности, а неточности (если говорить о деталях). «Зачем же так клеветать на папу, — вступает мама за мужа, — что он путает Леонардо с Лактионом? Ведь мы излазили все основные музеи Европы. Утверждение о том, что он не читал ничего, кроме газет и ТАССа, тоже сильное преувеличение». Папа на самом деле много читал исторической литературы, готовясь написать свои мемуары. Сам же он к заметкам мамы сделал одно замечание: «Папа трусливо боялся Виноградова» (посол СССР во Франции в 1950-е годы) —

«Никогда не было: Виноградов сильно нуждался во мне (подготовка сообщений в Москву, участие во всех важных беседах, их перевод и запись и т.д.).»

Но главное — его обвинение, что я, прочитав его мемуары, пока что не опубликованные (выйдут в сентябре), многое у него позаимствовал почти буквально. Речь фактически зашла о плагиате. Отчасти это так и есть. Я использовал его потрясающий материал о морском плавании под немецкими бомбами во время войны из Архангельска в Шотландию, постаравшись сделать из этого «новую Одиссею» (как заметил по этому поводу тот же Клюге). Эти и другие рассказы (например, о его работе с Коллонтай в Швеции) я знал наизусть с детства — они стали основой для построения отцовского характера в книге. Что же касается его воспоминаний о Сталине, то они были нами вместе переработаны еще несколько лет назад, когда я писал книгу «Мужчины».

Почему, хором спросили меня родители, я не показал свою книгу им до опубликования? По той же причине, почему я им не рассказывал в 1978 году о том, что делаю «Метрополь». Иначе не было бы книги. Иначе не было бы «Метрополя». Реакция отца на «Метрополь» сделала его действительно героем. Роман рассказал о том, как это было. Рассказал именно как роман. Исторически приблизительно и неточно, как приблизительно и неточна память. Но, помимо неточностей, разбухших от смысловых опечаток, в романе есть то, что превращает людей в характеры. Сила духа. Она — в матрице моих родителей. Она — причина этой статьи о них.

МН

2004. - 08 июля - с. 17.

Ерофеев Виктор

264